

Николай Николаевич Мисюров

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, Омск, Россия
e-mail: misiurovnn@omsu.ru

Романтическая натурфилософия в борьбе с «призраком абсолюта»

Аннотация. В статье рассматривается проблематика отношения романтиков к кантовской критике и догматическому рационализму. Анализируются обстоятельства, актуализировавшие методологический вопрос о принципах размежевания «идеализма» и «реализма» (в шеллингианском понимании). «Действие» рассматривалось романтиками более важным моментом философствования, нежели конечная цель этого процесса — условное «знание». Доказывается, что принципиальное различие философских систем обусловлено значением, которое придавалось «абсолютному». Констатируется, что смещение акцента с объекта на субъект узаконило новое содержание «действительного». Делается вывод о том, что романтическая натурфилософия («философия жизни») накануне обнародования гегелевской диалектики становилась альтернативой всякому философскому догматизму.

Ключевые слова: предмет философии, критика, догматизм, натурфилософия, человеческий дух.

Nikolay N. Misyurov

Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Department of Journalism and Media Linguistics, Omsk, Russia
e-mail: misiurovnn@omsu.ru

Romantic Natural Philosophy Against the “Spirit of Absolute”

Abstract. The article deals with the problems of the Romantics' attitude to Kantian criticism and dogmatic rationalism. The circumstances that actualized the methodological question of the principles of the separation of “idealism” and “realism” (in the Schellingian sense) are analysed. “Action” was considered by Romantics to be a more important moment of philosophizing than the ultimate goal of this process — conditional “knowledge”. It is proved that the fundamental difference of philosophical systems is due to the importance attached to the “absolute”. It is stated that the shift of emphasis from the object to the subject legitimized the new content of the “real”. It is concluded that romantic natural philosophy (“philosophy of life”) on the eve of the publication of Hegelian dialectics became an alternative to any philosophical dogmatism.

Keywords: subject of philosophy, critique, dogmatism, natural philosophy, human spirit.

Введение (Introduction)

С традицией классического «высокого рационализма» не покончили ни гегелевская диалектика, ни фейербаховская критика гегельянства. Коренное противоречие философской науки проявилось в XX в. в призывах «назад к Канту», «назад к Гегелю». То, что «способности разума» несводимы к одной сухой теории, было понятно и до немецких романтиков. Популярность трансцендентализма, натурфилософии, философии жизни как раз и объясняется этим дуализмом мысли: противоположностью мышления дискурсивного формальному. «Многозначность» субъекта познавательной и творческой деятельности казалась временным затруднением; узкое место философии снималось в «практическом разуме» [1, с. 95]. Современная философия допускает компромисс кардинально различающихся эпистемологических принципов, постулирует необходимость диалога в рамках

«классического разума» или «теоретического интеллекта» для преодоления избыточной рефлексии по поводу революционных изменений в мышлении.

Методы (Methods)

Метафизическая неопределенность концептуально-го статуса «вещи в себе» как предмета эмпирического созерцания в кантовской философии находит отражение и в современных философских концепциях, противопоставляющих «объекты» «аспектам». Трансцендентальное всеединство объективного «предмета» и субъективно-го «представления» осуществляется — в семантическом и когнитивном плане — через «явление», которое в онтологическом плане выступает обозначением объекта и является содержанием представления. В шеллингианской же философии предмет познания выступает в качестве «вне-

шнего и данного», и потому его содержание не может быть познано таким же «единичным и особенным» сознанием: «Наивысшей ступенью совершенства естествознания было бы полное одухотворение всех законов природы, которое превратило бы их в законы созерцания и мышления», отождествило бы их друг с другом [2, с. 233].

Сущность метода и эмпирическое содержание конкретных методик предпринятого исследования можно описать двумя тезисами — концептуального характера замечаниями В. Дильтея и Г. фон Кайзерлинга. Дильтей полагает, что лишь «историческая» точка зрения позволяет увидеть духовное единство различных философских систем, соотношение «понятия» и «переживания» отображает взаимосвязь философии и жизни [3]. Кайзерлинг использует метафору любознательности, перенесенную в специфическую область интеллектуальной деятельности, актуализирующуюся через постижение общечеловеческого и особенного в самобытных культурах и цивилизациях, что составляет первостепенную задачу предельного самопознания [4].

Литературный обзор (Literature Review)

Общие и частные вопросы философии немецких романтиков анализировались в немногочисленных работах советского периода и в 1990-е гг. [5; 6; 7; 8]; новейшие публикации представляют собой как фундаментальные исследования [9; 10; 11], так и реферативного и даже компилятивного характера статьи [12; 13; 14]. Канту повезло куда больше, поскольку существует известный специализированный журнал, пропагандирующий наследие великого философа [15; 16; 17; 18]. В зарубежных работах философские идеи романтиков рассматриваются в контексте немецкого идеализма вообще [19; 20], большее внимание уделяется гегельянству и неокантанству [21; 22]; натурфилософия интерпретируется как феномен философского «натурализма» [23; 24; 25].

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

Обозначим ключевые моменты полемики романтиков с «догматиками».

Во-первых, критическая оценка общего когнитивного контекста и дискурсивных практик, сфокусированных на дихотомии «разума» и «природы».

Немецкая философия застряла «между небом и землей», заявлял Ф. Шлегель, заблуждений «как по одну, так и по другую сторону» сделано довольно (имелось в виду противостояние идеализма и рационализма). Философия упускает из виду истинный предмет, «... утрачивает твердую основу и почву, на которой могла бы уверенно... действовать без помех...» [26, с. 9]. К концу 1820-х гг. были изданы далеко не все гегелевские сочинения — «Феноменология духа» (1807), «Наука логики» (1812–1816) и «Философия права» (1821). Изложенное в работах его собственное понимание кантовского «откровения абсолютного в абсолютной форме» как постепенного осуществления единой истинной системы не выглядело столь радикальным обновлением философии как таковой, что объявлялось целью революционной по духу и методу диалектики в лекциях позднего периода.

Лекции самого Ф. Шлегеля по «философии жизни» и философии истории, читавшиеся весной 1827 г. в Вене и из-

данные отдельной книгой в 1828 г., не вызвали особого ажиотажа в образованных кругах немецкого общества, хотя и содержали немало ценных мыслей и затрагивали важные, сугубо немецкие проблемы. Коллизия эпохи объяснялась не в ракурсе геополитики, не в плане мирозозерцания, но в ключе эпистемологии. Борьба революционного «нового» с консервативным «старым» трактовалась как философский конфликт догматического рационализма с трансцендентальным идеализмом. Гегелевская диалектика же еще не была оценена как главное достояние «немецкого духа» [27]. Сложившаяся ситуация выглядела своеобразно: «...Новейшая натурфилософия принесла в науку множество великолепных плодов, всё же призрак абсолюта и здесь шел за ней по пятам... Однако в собственном и точном смысле... обожествлялась... не природа, а именно всё тот же самый положенный в ее основу фантом разума» [26, с. 28]. Старая «метафизическая таблица умножения» не отвечает духу времени. Разногласие между условными «догматиками» и столь же условными «прогрессистами» на самом деле не затрагивает основополагающего вопроса о самом предмете философии, речь идет скорее о различии принципов, точнее — методологии. Предыстория вопроса такова: «...Система начиналась с видимого пресыщения разумом и низведения его к природе, с тем чтобы потом закончиться безусловным его принципом» [26, с. 28]. Потрачено немало сил на пустые споры, в то время как надо было договариваться о новом методологическом мышлении, учитывавшем достижения и ошибки предыдущей «системы». В самой природе мы найдем инструментарий познавательной деятельности.

Во-вторых, не порывая окончательно с предшественниками, в первую очередь со «стариком» Кантом, романтики решительно потеснили «классиков», превратив «совместное» философствование (поэта и мудреца) в *modus vivendi*.

Актуальность проблемы понятийного аппарата, категориального обеспечения философствования, для Шлегеля очевидна: в новой немецкой философии «абсолютный идол разума» полагается в качестве основоположного принципа всякого бытия; «дух отрицания» господствует во всей этой системе [26, с. 28]. Однако распространившийся в философских сочинениях «критицизм» — лишь подражание кантовской «критике».

Сам Кант, в свое время тоже занимавшийся поисками адекватного задачам «истинной» философии подлинного философского метода, говорил о необходимости «науки» (подразумевалась новая эпистемология), определяющей возможность, принципы и объем априорных знаний. Как классик, занявший достойное и подобающее ему место, он сместился на периферию «живой» философии, оживленных дискуссий в среде философской «молодежи». В «Критике чистого разума» он писал: «...Хотя всё наше знание начинается... с опыта, из этого вовсе не следует, что оно происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше эмпирическое знание... складывается из того, что мы воспринимаем... посредством впечатлений...» [28, с. 53] Следует отличать от основного «чувственного материала» те «обособления», которые являются результатом «продолжительного упражнения»; для некоторых наших знаний в опыте нигде не дан «соответствующий предмет»: «Именно к области

этих последних знаний, которые выходят за границы чувственного мира и не могут пользоваться руководством... и проверкой опыта, относятся исследования нашего разума, считаемые нами по их важности более значительными и... более возвышенными, чем всё, чему рассудок может научиться в области явлений» [28, с. 56]. В поисках истины, признавал Кант, мы готовы пойти на что угодно, пренебрегая возникающими сомнениями; наш лозунг — *Бог, свобода и бессмертие*. Конечная цель метафизической науки (фактически речь идет об эпистемологии) состоит в том, чтобы с помощью имеющихся средств добиться решения всех проблем; однако ее изначальный метод догматичен. Ключевой момент кантианства — разграничение двух основных видов «суждений»: «Метафизика оставалась до сих пор в колеблющемся состоянии недостоверности и противоречивости исключительно потому, что эта задача и, быть может, даже различие между аналитическими и синтетическими суждениями прежде никому не приходили в голову» [28, с. 64].

Таким образом, критика разума, полагал Кант, с необходимостью приводит в конце концов к «науке» — верной методологии; «...наоборот, догматическое применение разума без критики приводит к ни на чём не основанным утверждениям, которым можно противопоставить столь же неосновательные утверждения, следовательно, к скептицизму» [28, с. 66]. Под «скептицизмом» понимается опять же не направление в философии, но известный с античности методический принцип философствования. Поскольку ничто не образуется в действительности подобно вмиг рожденной Зевсом Афины Паллады, важен каждый шаг на пути к успеху подлинной философии. «...Науку, ограничивающуюся одним лишь исследованием чистого разума, его источников и границ, мы можем рассматривать как пропедевтику к системе чистого разума» [28, с. 68].

Интересно, что вопрос о последовательности образовательных этапов волнует и Шлегеля, рассматривавшего философию составной частью «первичного научного обучения»; освоение логического метода становится главной целью: «...Важно не столько даже сам предмет, ...важно необходимое для будущего и приложимое ко всем без исключения предметам упражнение в методическом мышлении. Однако предварительный навык в философском мышлении есть лишь приготовление к философии, а отнюдь еще не сама философия» [26, с. 13]. «Учебное» значение обретают эпизоды истории мировой философии: мудрость индийцев, знания халдеев и египтян, философские системы древних греков — примеры любознательности, искания истины, обретшие форму настоящей «науки».

Итак, наряду со старой, всё еще претендующей на первостепенное значение в научном мире традиционной «философией школы» существует завоевывающая признание, решительно заявившая о себе новейшая «школа жизни», приобретающая всё больше преданных сторонников, не приемлющих метафизический догматизм и «рационалистическое зазнайство». В такой интерпретации академическая (кантовская) «критика» и романтическая критика оказываются в большей мере вынужденными союзниками, нежели противниками.

В-третьих, расхождения «философией жизни» и «философией школы» объясняется различие методоло-

гических оснований: «В той, другой философии, движущейся в диалектическом круге абстрактных понятий, в соответствии с ее особым характером, — сперва предполагается и требуется некая искусственно добытая абстракция, которая затем возводится в более и еще более высокую степень и, под конец, переходит все возможные границы» [26, с. 13]. Наметившиеся в развитии немецкой мысли тенденции настораживают: «непонятность» становится отличительным признаком философии, недоступной простым смертным. Шлегель с пристрастием оценивает состояние современной ему философии; на «повестке дня» животрепещущие вопросы немецкой жизни, которые философы не желают и не способны решить. Представители безраздельно господствующей «философии школы» везде и во всем насаждали совершенно бесполезное для познания абстрактное мышление. Потенциал этого направления исчерпан, другое дело, что весомый вклад авторитетов в просвещение (научное школьное преподавание) с большим уважением оценен немецкой общественностью. «Философия же жизни, с точки зрения этой системы, есть не более чем... перевод на язык популярного представления и общечеловеческого сознания...» [26, с. 14] Остается надежда на то, что новая философия сумеет пробить себе дорогу, ибо только она одна обладает верным методом: «Живая философия бесконечно далека от блуждания в дебрях пустой абстракции...» [26, с. 14] Наглядно доказав преимущество новой философской «системы», Шлегель не спешит применять его «повсюду в одинаковой мере», в этом как раз и состояла ошибка тех, кто слепо следовал кантовской «критике».

В-четвертых, камнем преткновения оказалась интерпретация действительности, точнее — сущностное содержание «впечатлений» («образов мира»).

Если Шлегель исходил в своих построениях из антиномии «жизни» и закосневшей «школы», то Шеллинг отталкивался от дихотомии «сознательного» и «бессознательного». Философия полагает бессознательную, или, как ее можно назвать, «реальную», деятельность тождественной сознательной, или «идеальной»; в творениях гения и опосредствованно в продуктах природы «всегда обнаруживается полнейшее слияние идеального и реального» [2, с. 182]. В ранней работе «Философские письма о догматизме и критицизме» (1795) он признавался, что ряд обстоятельств убеждает его в том, что границы, проведенные кантовской «Критикой чистого разума» между догматизмом и критицизмом, «для многих друзей этой философии еще недостаточно четко определены». Ибо «...в настоящее время делается попытка построить из трофеев критицизма новую систему догматизма, которой каждый искренний мыслитель, безусловно, предпочел бы прежнее построение» [2, с. 39]. Вроде бы, рассуждал он, «...представляется более предпочтительным бороться с абсолютной силой и погибнуть в борьбе...», нежели, заранее оградив себя от возможной опасности ошибиться, уверовать в «самый принцип возвышенности» вообще. Какое объяснение можно найти этой силе, которая позволяет человеку «противостоять абсолюту»? «Последовательный догматизм ведет не к борьбе, а к подчинению, ...к покорной преданности абсолютному объекту...» [2, с. 39–40] Как видим, раннего Шеллинга следовало бы назвать «колеб-

лющимся» между двумя философскими «партиями», старой консервативной и новой революционной.

Поскольку речь идет не о Шеллинге, а скорее о последовательных кантианцах, то пытаемся вместе с самим Шеллингом разобраться в «плюсах» и «минусах» этого философского наследия. «Если критицизм основывает всю свою систему только на свойствах нашей *способности познания*, а не на самой нашей изначальной сущности, то его возможности в борьбе с догматизмом очень невелики...»; перед лицом «самого бытия» ничтожными кажутся все абстракции («застывшие принципы») [2, с. 44]. Выполнит ли критицизм свою миссию — «сделать человечество свободным» — зависит от многих сопутствующих обстоятельств, основывается ли вся его система целиком и полностью исключительно на нашей изначальной способности познания? «Ибо если требование не допускать абсолютной объективности исходит не из моей изначальной сущности, если доступ в абсолютно объективный мир преграждает мне лишь слабость разума, то ты можешь, конечно, строить свою систему слабого разума, но не думай, что тем самым ты создаешь законы для объективного мира» [2, с. 45]. В практической философии реализуется не сама «абсолютная причинность», а только ее идея, однако воздействие на познающего индивидуума этой причинности ничуть не упрощает онтологическую задачу, ибо практическая реализация идеи требует огромных усилий человеческого духа (разума и интеллекта). Убедительно Шеллинг превращает «трофеи критицизма» в театральную бутафорию, которой его оппоненты прикрывают собственное ничтожество перед лицом грозной силы, правящей мирозданием и определяющей границы человеческого разума, — «абсолюта».

В-пятых, результатом критики «философии школы» стала ревизия понятийного аппарата философии, принявшего более упорядоченный вид.

Новейшая немецкая философия могла бы оказывать куда более мощное «всеобщее воздействие» на умы, полагал Шлегель, если бы не «анархия понятий», мешающая ей развиваться. Что же касается области применения этой пока отсутствующей нужной терминологии, то и в этом пункте новой системы необходимо решительное размежевание со старой философией, адепты которой поклоняются «абсолюту». Философия более не желает быть в услужении ни у теологии, ни у политики, она отстаивает независимость в собственной сфере: «Именно в том случае, если она станет воздерживаться от всякого вмешательства в позитивное, действительное, она чаще будет способна оказывать... благотворное воздействие вовне... И возможно, что ей... удастся рассеять туман, накрывший пеленой опасного недоразумения целые сферы человеческого существования...» [26, с. 12] Обратим внимание на последовательный «трансцендентальный» идеализм Шлегеля (что говорить о Шеллинге, создателе системы трансцендентального идеализма!): «позитивное» — как уточнение «действительного» (не наоборот) — в данном контексте упоминается как нежелательная сфера исследований.

Проблема «понятий» (понятийного аппарата) беспокоит и Шеллинга, он отдает себе отчет в том, что речь идет не о «языке» философии, но о принципах, философской позиции.

«Задача философии — изобразить движение самого человеческого духа, а не только развитие индивидуума. А это развитие должно проходить через общие всем философским системам области» [2, с. 47]. Причину разногласий философов он справедливо видит в смещении акцента с «объективного» на «субъективное»: «Если бы речь шла только об абсолютном, между различными системами никогда бы не возник спор. Лишь потому, что мы выходим из абсолютного, возникает противоречие по отношению к нему, и лишь как следствие этого *изначального* противоречия — спор между философами...» [2, с. 47] Шеллинг вообще полагает, что за «мыслительными» пределами фактической области «абсолютного» исчезает всякая философия.

Подведем итог конспективному (учитывая допустимый объем статьи) обзору всей проблематики предмета исследования.

Вопрос в том, насколько эффективна кантовская критика «способности суждений» [29]. Шеллинг убежден, что даже самая совершенная система не может теоретически «сокрушить» догматизм: «Полностью опровергнуть его должна теория синтетических суждений. Критицизм, который вместе с догматизмом исходит из общей точки изначального синтеза, может объяснить этот факт только из самой *способности познания*. <...> Допустив это, догматизм должен допустить и то, что абсолютно объективное познание невозможно, другими словами, что объект вообще может быть познан только *при условии действия субъекта*... Догматизм должен признать, что в синтезе объект никогда не может быть абсолютным, ибо, будучи абсолютным, он вообще не допустил бы синтеза...» [2, с. 49] Синтез вообще мыслим лишь при двух условиях, считает Шеллинг: во-первых, при условии, что ему предшествует абсолютное единство, которое в самом синтезе становится «эмпирическим единством»; во-вторых, синтез мыслим только при предпосылке, что он сам завершается абсолютным тезисом — «цель всякого синтеза есть тезис». Поразительный поворот в рассуждениях!

Основываясь на различии «дедукции» формального и «материального» процесса синтеза из одного, «общего им обоим в качестве их основы принципа», кантовская критика способности познания поясняет процесс одного синтеза посредством процесса другого. В таком случае мы должны признать, рассуждает Шеллинг, что «теоретический разум необходимо идет к безусловному и что абсолютный тезис в качестве завершения всякой философии необходимо востребован тем же стремлением, посредством которого был произведен синтез» [2, с. 50]. Пребывая в области «теоретического разума», философия всегда исходит из обоих «условий познания» — из субъекта и объекта. «Решив устранить одно из этих условий, мы тем самым уже выходим из этой области и должны... оставить спор нерешенным; если мы хотим решить его, нам следует искать новую область, где мы, быть может, окажемся счастливее» [2, с. 51]. Здесь философия, констатирует Шеллинг, уже переходит в область практической философии. Кантовская «Критика чистого разума» показала, что в области теоретической философии данный спор разрешен быть не может; она не опровергла догматизм, а вообще устранила этот эпистемологический вопрос из ведения теоретического разума. На чьей стороне победа?

Система истинного знания, особо подчеркивал Шеллинг, либо необходимо является «игрой мыслей», либо должна «...обрести реальность не посредством теоретической, а посредством практической, не посредством познающей, а посредством продуктивной, реализующей способности...» [2, с. 57]. «Действие» в философии на самом деле куда важнее «знания», так как оно может в силу своей условности сделаться закосневшей догмой, поскольку является выражением самой сущности «раскованного» человеческого духа. «Высшее достоинство философии состоит именно в том, что она всего ждет от человеческой свободы. Поэтому ничто не может быть для нее более пагубным, чем попытка замкнуть ее в границах теоретической общезначимости системы» [2, с. 58]. Отдавая себе отчет в «последних основаниях нашего знания», заявлял Шеллинг, мы должны будем признать, что у догматизма есть простая и понятная «неизменная альтернатива» [2, с. 85]. Это — натурфилософия («философия жизни»). Знание вообще есть не что иное, пояснял Шлегель, как «само единство мышления и жизни»: «...Либо знание есть возведенная в степень мысли и тем самым обращенная в мышление жизнь; либо же оно есть действительно... самой жизнью подтвержденная, ставшая всецело достоверной, мысль...» [26, с. 258]

Основная задача подлинной философии заключается в решении этой главнейшей проблемы мира; успех философствования зависит от того, как философы определяют свои задачи, что они рассматривают самым предметом познания. «Если деятельность, не ограниченная более объектами, ...не сопровождается больше сознанием, если неограниченная деятельность тождественна абсолютному покою, если высший момент бытия ближе всего к границе небытия, то критицизм, подобно догматизму, движется к уничтожению

самого себя. Если догматизм требует, чтобы я растворился в абсолютном объекте, то критицизм, напротив, должен требовать, чтобы всё именуемое объектом исчезло в моем интеллектуальном созерцании меня самого» [2, с. 76]. В обоих случаях потеря объекта означает утрату самого субъекта. Всепоглощающий «абсолют» — серьезное искушение для философии, но выход есть — обновление метода.

Заключение (Conclusions)

Две «наиболее противоположных» теоретических системы — идеализм и реализм — могут существовать, согласно Шеллингу, «лишь в приближении к абсолютному», обе соединяются в абсолюте, т. е. должны прекратить свое существование в качестве противоположных систем. «Ибо завершённый реализм имеет место лишь там, где объекты перестают быть объектами, т. е. противоположными субъекту (явлениями)...» [2, с. 78] Неудовлетворенный человеческий дух чувствует большую свободу, переходя от умозрения к исследованию природы. «Идеи... становятся законом нашей жизни...» [2, с. 88]

Итак, исследующий наличный мир и природу человеческого духа субъект познания без сожаления должен отбросить предрассудки прежней философии и воодушевиться открывшимися возможностями новой, свободной в выборе самих путей и методологического инструментария познания философской науки. Принципы, доступные всем, есть настоящая причина размежевания современных философов. «Однако сама природа поставила границы этой доступности; для *достойных* она сохранила философию, которая... служит символом союзу людей свободного духа...» [2, с. 88] Победа будет за новым; последующее развитие философии подтвердило его правоту.

Библиографический список

1. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1991. 413 с.
2. Шеллинг Ф. В. Й. Соч. : в 2 т. / пер. с нем. М. И. Левиной. М. : Мысль, 1987. Т. 1. 637 с.
3. Дильтей В. Сущность философии / пер. с нем. М. Е. Цельтера. М. : Интрада, 2001. 160 с.
4. Кайзерлинг Г. Путевой дневник философа / пер. с нем. И. П. Стребловой, Г. В. Снежинской. СПб. : Владимир Даль, 2010. 794 с.
5. Линьков Е. С. Диалектика субъекта и объекта в философии Шеллинга. Л. : ЛГУ, 1973. 112 с.
6. Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма: (Фр. Шлегель, Новалис). М. : Наука, 1978. 288 с.
7. Гайденко П. П. Философия Фихте и современность. М. : Мысль, 1979. 288 с.
8. Гайденко П. П. Парадоксы свободы в учении Фихте. М. : Наука, 1990. 128 с.
9. Пестов А. Л. Идея развития в натурфилософии Ф. В. Й. Шеллинга : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1997. 156 с.
10. Пестов А. Л. Натурфилософское учение Шеллинга // Шеллинг Ф. В. Й. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки / пер. с нем. А. Л. Пестова. СПб. : Наука, 1998. С. 5–62.
11. Кричевский А. В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга. М. : ИФ РАН, 2009. 199 с.
12. Ковалева Г. П. Натурфилософский космизм Ф. Шеллинга // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. Вып. 6 (6). С. 5–7.
13. Куприянов В. А. Становление и проблематика философии природы в раннем творчестве Шеллинга // Studia Culturae. 2013. № 15. С. 97–104.
14. Черничкина А. А. Натурфилософия немецкого романтизма: культура и естествознание // Метафизика. 2016. № 2 (20). С. 153–165.
15. Катречко С. Л. Природа явления в трансцендентализме Канта: семантико-когнитивный анализ // Кантовский сборник. 2018. Т. 37, № 3. С. 31–55.
16. Семенов В. Е. Дедукция свободы vs дедукция опыта в метафизике И. Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 1. С. 55–80. DOI: 10.5922/0207-6918-2019-1-3

17. Баум М. Практический платонизм Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 4. С. 7–33. DOI: 10.5922/0207-6918-2019-4-1
18. Ровбо М. В. Парадокс кантовского трансцендентального субъекта в немецкой философии конца XVIII века // Кантовский сборник. 2020. Т. 39, № 2. С. 7–25. DOI: 10.5922/0207-6918-2020-2-1
19. Beiser F. C. *German Idealism: The Struggle Against Subjectivism, 1781–1801*. Cambridge : Harvard University Press, 2002. 726 p.
20. Beiser F. C. *The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism*. Cambridge : Harvard University Press, 2006. 243 p.
21. Beiser F. C. *After Hegel: German Philosophy, 1840–1900*. Princeton : Princeton University Press, 2014. 248 p.
22. Beiser F. C. *The Genesis of Neo-Kantianism, 1796–1880*. Oxford : Oxford University Press, 2015. 624 p.
23. Pinkard T. P. *German Philosophy 1760–1860*. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 382 p.
24. Pinkard T. P. *Practice, Power, and Forms of Life: Sartre's Appropriation of Hegel and Marx*. Chicago : University of Chicago Press, 2021. 208 p.
25. Pinkard T. P. *Hegel's Naturalism*. Oxford : Oxford University Press, 2012. 213 p.
26. Шлегель фон К. Ф. В. Соч. : в 2 т.Т. 1: Философия жизни. Философия истории / пер. с нем. Д. К. Трубчанинова. СПб. : Quadrivium, 2015. 816 с.
27. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии духа / пер. с нем. К. Александрова. М. : Дело, 2014. 308 с.
28. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М. : Наука, 1999. 655 с.
29. Кант И. Критика способности суждения / пер. с нем. М. : Искусство, 1994. 367 с.

References

- Baum M. (2019) *Prakticheskii platonizm Kanta* [Kants Praktischer Platonismus], *Kantovskii sbornik* [Kantian Journal], vol. 38, no. 4, pp. 7–33, doi: 10.5922/0207-6918-2019-4-1 (in Russian)
- Beiser F. C. (2002) *German Idealism: The Struggle Against Subjectivism, 1781–1801*. Cambridge, Harvard University Press, 726 p. (in English)
- Beiser F. C. (2006) *The Romantic Imperative: The Concept of Early German Romanticism*. Cambridge, Harvard University Press, 243 p. (in English)
- Beiser F. C. (2014) *After Hegel: German Philosophy, 1840–1900*. Princeton, Princeton University Press, 248 p. (in English)
- Beiser F. C. (2015) *The Genesis of Neo-Kantianism, 1796–1880*. Oxford, Oxford University Press, 624 p. (in English)
- Bibler V. S. (1991) *Ot naukoucheniya — k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyi vek* [From Science — to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]*. Moscow, Politizdat Publ., 413 p. (in Russian)
- Chernichkina A. A. (2016) *Naturfilosofiya nemetskogo romantizma: kul'tura i estestvoznaniye* [Natural Philosophy of the German Romanticism: Culture and Natural Sciences], *Metafizika* [Metaphysics]*, no. 2 (20), pp. 153–165. (in Russian)
- Dilthey W. (2001) *[Das Wesen der Philosophie]*. Moscow, Intrada Publ., 160 p. (in Russian)
- Gabitova R. M. (1978) *Filosofiya nemetskogo romantizma: (Fr. Schlegel', Novalis)* [Philosophy of German Romanticism: (Fr. Schlegel, Novalis)]*. Moscow, Nauka Publ., 288 p. (in Russian)
- Gaidenko P. P. (1979) *Filosofiya Fikhte i sovremennost'* [Fichte's Philosophy and Modernity]*. Moscow, Mysl' Publ., 288 p. (in Russian)
- Gaidenko P. P. (1990) *Paradoksy svobody v uchenii Fikhte* [The Paradoxes of Freedom in the Teachings of Ficht]*. Moscow, Nauka Publ., 128 p. (in Russian)
- Hegel G. W. F. (2014) *[Vorlesungen über die Philosophie des Geistes]*. Moscow, Delo Publ., 308 p. (in Russian)
- Kant I. (1994) *[Kritik der Urteilskraft]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 367 p. (in Russian)
- Kant I. (1999) *[Kritik der reinen Vernunft]*. Moscow, Nauka Publ., 655 p. (in Russian)
- Katrechko S. L. (2018) *Priroda yavleniya v transsendentalizme Kanta: semantiko-kognitivnyi analiz* [The Nature of Appearance in Kant's Transcendentalism: A Semantico-Cognitive Analysis], *Kantovskii sbornik* [Kantian Journal], vol. 37, no. 3, pp. 31–55. (in Russian)
- Keyserling H. (2010) *[Das Reisetagebuch Eines Philosophen]*. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 794 p. (in Russian)
- Kovaleva G. P. (2012) *Naturfilosofskii kosmizm F. Shellinga* [Natural Philosophical Cosmism of F. Schelling]*, *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International Research Journal], issue 6 (6), pp. 5–7. (in Russian)
- Krichevskii A. V. (2009) *Obraz absoluta v filosofii Gegelya i pozdnego Shellinga* [The Image of Absolute in the Philosophy of Hegel and the Late Schelling]*. Moscow, IF RAN Publ., 199 p. (in Russian)
- Kupriyanov V. A. (2013) *Stanovlenie i problematika filosofii prirody v rannem tvorchestve Shellinga* [The Origin and Issues of the Natural Philosophy in Early Creative Work of G. W. J. Schelling], *Studia Culturae*, no. 15, pp. 97–104. (in Russian)
- Lin'kov E. S. (1973) *Dialektika sub"ekta i ob"ekta v filosofii Shellinga* [Dialectics of the Subject and Object in Schelling's Philosophy]*. Leningrad, LGU Publ., 112 p. (in Russian)
- Pestov A. L. (1997) *Ideya razvitiya v naturfilosofii F. V. I. Shellinga* [The Idea of Development in the Naturephilosophy of F. W. J. Schelling]*, Cand. philos. sci. diss. Saint Petersburg, 156 p. (in Russian)

- Pestov A. L. (1998) Naturfilosofskoe uchenie Shellinga [Schelling's Naturphilosophical Teaching]*, *Shelling F. W. J. [Ideen zu einer Philosophie der Natur Als Einleitung in das Studium Dieser Wissenschaft]*. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 5–62. (in Russian)
- Pinkard T. P. (2012) *Hegel's Naturalism*. Oxford, Oxford University Press, 213 p. (in English)
- Pinkard T. P. (2014) *German Philosophy 1760–1860*. Cambridge, Cambridge University Press, 382 p. (in English)
- Pinkard T. P. (2021) *Practice, Power, and Forms of Life: Sartre's Appropriation of Hegel and Marx*. Chicago, University of Chicago Press, 208 p. (in English)
- Rovbo M. V. (2020) Paradoks kantovskogo transtsendental'nogo sub"ekta v nemetskoj filosofii kontsa XVIII veka [The Paradox of Kant's Transcendental Subject in German Philosophy in the Late Eighteenth Century], *Kantovskii sbornik [Kantian Journal]*, vol. 39, no. 2, pp. 7–25, doi: 10.5922/0207-6918-2020-2-1 (in Russian)
- Schelling F. W. J. (1987) *Collected Works*. Moscow, Mysl' Publ., vol. 1, 637 p. (in Russian)
- Schlegel von K. W. F. (2015) *Collected Works. Vol. 1. [Philosophie des Lebens. Philosophie der Geschichte]**. Saint Petersburg, Quadrivium Publ., 816 p. (in Russian)
- Semenov V. E. (2019) Deduktsiya svobody vs deduktsiya opyta v metafizike I. Kanta [Deduction of Freedom vs Deduction of Experience in I. Kant's Metaphysics], *Kantovskii sbornik [Kantian Journal]*, vol. 38, no. 1, pp. 55–80, doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-3 (in Russian)

---

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.